

Глава III

Карта «нигде».

«Утопия», 1516 год

Образцом для вымышленных островов Джонатана Свифта могла послужить как неведомая Южная Земля Джозефа Холла, так и другое описание недавно открытого края, которое точно находилось в его распоряжении — «Утопия» Томаса Мора¹¹¹. Именно эта книга стоит у истоков романной картографии. Уже в первом ее издании, вышедшем в 1516 году в Лувене, на обороте титула была представлена карта острова Утопия, а на второй стороне разворота, — утопический алфавит (ил. 19)¹¹². Надпись *Utopiae Insulae Figura* («Очертания острова Утопия») указывает, что перед нами — изображение того самого острова, на котором побывал португалец Рафаэль Гитлодей, сопровождавший Америго Веспуччи во всех его четырех путешествиях. Оно вполне соответствует картографическим конвенциям того времени, что должно было убедить читателя в реальном существовании страны Утопии. Как и другие паратекстуальные элементы — письмо секретаря Антверпена Петра Гиллиса (Петра Эгидия) к члену Большого совета Мехелена Жерому Буслейдену (Иерониму Буслидию), затем

Ил. 19: Карта острова Утопия («Очертания острова Утопия») предположительно работы Герарда Гельденхауэра из лувенского издания 1516 года

письмо Буслейдена Мору и, наконец, письмо Мора Гиллису, — карты подтверждают правдивость повествования. Вернее, все это собрание документов было призвано доказать реальность бесед Мора и Гиллиса с Гитлодеем, а следовательно — подлинность его путешествия.

В целом карта соответствует описанию острова, данному Гитлодеем в начале второй книги:

Остров утопийцев в средней своей части (ибо она шире всего) простирается на двести миль, на большом протяжении остров не очень сужается, а ближе к обоим концам постепенно утоньшается. Если эти концы обвести циркулем, то вышла бы окружность в пятьсот миль; концы эти делают остров похожим на нарождающуюся луну¹¹³.

Нарисовавший карту художник (возможно, Герард Гельденхауэр) учел и другие имеющиеся в тексте топографические указания: посреди залива мы видим скалу, на которой стоит сторожевая башня; столица, Амаурот, находится в центре острова и обозначена как *Civitas Amaurotum*, то есть город-мираж, окруженный стенами с башнями и бастионами; неподалеку протекает река Анидр («безводная»), которая огибает город от своего истока (*Fons Anhydri*) вплоть до впадения в океан (*Ostium Anhydri*).

Такие эффекты реальности — часть игры с вымыслом, характерной для такого типа сочинений. На это указывает и подзаголовок «книжечки», которая охарактеризована как «весьма полезная, а также занимательная/праздничная» (*nec minus salutaris*

quam festivus). Как подчеркивает Карло Гинзбург¹¹⁴, термин *festivus* тут надо понимать в буквальном смысле: как отсылку к праздникам, когда мир как бы переворачивается с ног на голову. А также как аллюзию на труды Лукиана из Самосаты, которые Мор вместе с Эразмом Роттердамским перевели и опубликовали в 1506 году, охарактеризовав их «самыми праздничными сочинениями» (*opuscula longe festivissima*). Присутствие иронии превращает ученых читателей в сообщников еще более ученых авторов и ставит под сомнение правдивость повествования. Как и у Лукиана, цель состоит в том, чтобы соединить развлечение и серьезность, ученую игру и обсуждение важных вопросов, причем сделать это под маской вымысла, который постоянно доказывает свою правдивость.

По мнению Луи Марена, такая внутренняя двойственность свойственна и карте острова¹¹⁵. Сам факт ее существования вроде бы доказывает, что утопическое повествование способно обрести пространственное воплощение и определенные очертания, то есть быть представлено как реальность, которую можно увидеть благодаря изображению. Между тем это карта «не-места» (*ou-topia*), которое по определению находится вне географических координат. Иными словами, напечатанная на бумаге карта — не более чем приманка, поскольку страна Утопия находится нигде, точно так же, как протекающая там река Анидр безводна, а ее столица Амаурот — невидима. И Марен и Гинзбург¹¹⁶ обращают внимание, что в одном из текстов, предпосланных повествованию, Мор указывает на невозможность представить «нигде». В письме Гиллису (Эгидию) от 3 сентября 1516 года он

просит своего корреспондента уточнить у Гитлодея, где именно находится открытый им остров:

...ни нам не пришло на ум спросить, ни ему — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия. Мне не хотелось бы, конечно, оставить это без внимания, и я дорого дал бы за это; ... потому что мне как-то стыдно не знать, в каком море находится тот остров, о котором я столь много рассказываю...¹¹⁷

Эти сведения тем более необходимы, поскольку, как иронически добавляет Мор, уже нашелся один теолог, который претендует на то, чтобы стать епископом Утопии. Гиллис в свой черед поясняет, что на самом деле Гитлодей назвал местоположение острова, но эта информация была утрачена в момент ее обнародования: «...кто-то из друзей, простудившись, скорей всего, думаю я, на корабле, кашлем своим заглушил несколько слов Рафаэля»¹¹⁸. Естественно, «нигде» не поддается локализации; по выражению Марена, Утопия — это «карта, которой нет на картах»¹¹⁹.

Кроме того, описание Утопии содержит дополнительную невозможность: «окружность в пятьсот миль» не может иметь диаметр в двести миль, соответствующий, по словам Гитлодея, средней части острова, «где он всего шире» (отсылка к размерам Англии, которая выступает в качестве антипода Утопии¹²⁰). Если буквально следовать тексту, то изобразить остров нельзя. К этой базовой невозможности добавляется еще одна, картографическая, связанная с дистанцией между городами Утопии:

На Утопии есть пятьдесят четыре города; все они большие и великолепные. По языку, нравам, установлениям, законам они одинаковы; расположение тоже у всех одно, одинаков у них, насколько это позволяет местность, и внешний вид. Ближайшие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. И опять же ни один из них не удален настолько, чтобы нельзя было из него дойти до другого города пешком за один день¹²¹.

Изобразить такую конфигурацию вряд ли получится, и гравер, создавший карту для издания 1516 года, даже не пытался это сделать¹²².

Во втором издании «Утопии», выпущенном стараниями Жиля де Гурмона в Париже в 1517 году, карты нет, зато на титульной странице сообщается, что к паратекстам было добавлено письмо Гийома Бюде. В нем французский ученый снова возвращается к проблеме местонахождения Утопии и отмечает все географические спекуляции: «Лично я, впрочем, разобравшись во всем этом, понял, что Утопия расположена за пределами известного нам мира. Несомненно, это — остров Блаженства; возможно, она находится близ Елисейских полей (ибо, как свидетельствует об этом сам Мор, Гитлодей пока не указал определенно, где она находится)»¹²³. Блаженные острова, пристанище праведных душ, в античной мифологии часто идентифицировались с Элизиумом, а в Средние века — с раем. Кроме того, Бюде сообщает, что остров порой именуют Удепотией, то есть островом Никогда, что дополнительно усиливает его дематериализацию.

В марте и в ноябре 1518 года Иоганн Фробин выпустил в Базеле одно за другим два издания сочинения Мора, снова добавив к текстам карту: похоже, что ее присутствие было необходимым элементом игрового балансирования между доказательствами подлинности и признанием вымысла (ил. 20). Книге было дано новое название, а на титуле указано, что в издание также включены эпиграммы Мора и Эразма¹²⁴. В обоих базельских изданиях использована одна и та же гравюра работы Амброзиуса Гольбейна (за исключением того, что в мартовском издании она озаглавлена — «Изображение острова Утопия», а в ноябрьском — нет). Эта карта 1518 года имела несколько важных отличий от той, что была опубликована в оригинальном издании 1516 года. В ее нижней части добавлены фигуры трех персонажей: слева на переднем плане стоит Гитлодей (у него под ногами картуш с именем), который, обращаясь к собеседнику, жестом показывает на остров, но при этом его палец направлен куда-то в сторону. Справа мы видим солдата с мечом, который садится на готовый отчалить корабль, чтобы продолжить колониальный поход. Собеседником Гитлодея мог быть Петер Гиллис или Томас Мор, то есть одноименные персонажи из первой книги «Утопии», или же это репрезентация читателя, который как бы попадает внутрь повествования и выслушивает рассказ об острове.

Еще одно отличие состоит в том, что топонимы *Amaurotum urbs*, *Fons Anydri*, *Ostium Anydri* не обозначены на карте (как это принято в атласах или на тех картах, которые сопровождают рассказы о путешествиях), но помещены внутри картушей, которые подвешены

Ил. 20: Карта острова Утопия («Изображение острова Утопия») работы Амброзиуса Гольбейна из базельского издания 1518 года

к гирлянде, как бы прикрепленной к верхним углам рамки. Тем самым обнаруживается зазор между репрезентацией (подчеркивающей, что она — репрезентация) и реальностью, которую она призвана изображать¹²⁵. Игра с доказательствами подлинности событий и их опровержением ведется не только внутри повествования или в паратекстах, но и перекидывается на утопическую картографию. Карта 1518 года не столько служит созданию эффекта реальности, сколько оттеняет иконическую иллюзию.

Наконец, еще одно изменение, бросающееся в глаза: на гравюре 1518 года колокольни и шпили башен увенчаны крестами. Это новшество отсылает к своеобразному символу веры, который утопийские священники произносят вместе со всем народом в начальные и конечные дни месяца:

...каждый признаёт Бога творцом, правителем мира и, кроме того, источником всех прочих благ, воздавая Ему хвалы за все полученные благодеяния. И особенно за то, что по воле Божией попал он в наисчастливейшее государство и получил в удел такую веру, которая, надеется он, наиболее истинная. Если молящийся здесь в чем-нибудь ошибается или если существуют государство и вера лучшие, чем эти, если они более угодны Богу, то молящийся просит, чтобы Бог благостью Своей даровал ему это познать. Ибо он готов всюду следовать за Богом; если же этот вид государства наилучший и вера эта самая правильная, тогда пусть наделит его Бог стойкостью, и да приведет

Он всех прочих смертных к тем же устоям жизни, к тому же мнению о Боге; если только неисповедимую волю Его не радует это разнообразие верований¹²⁶.

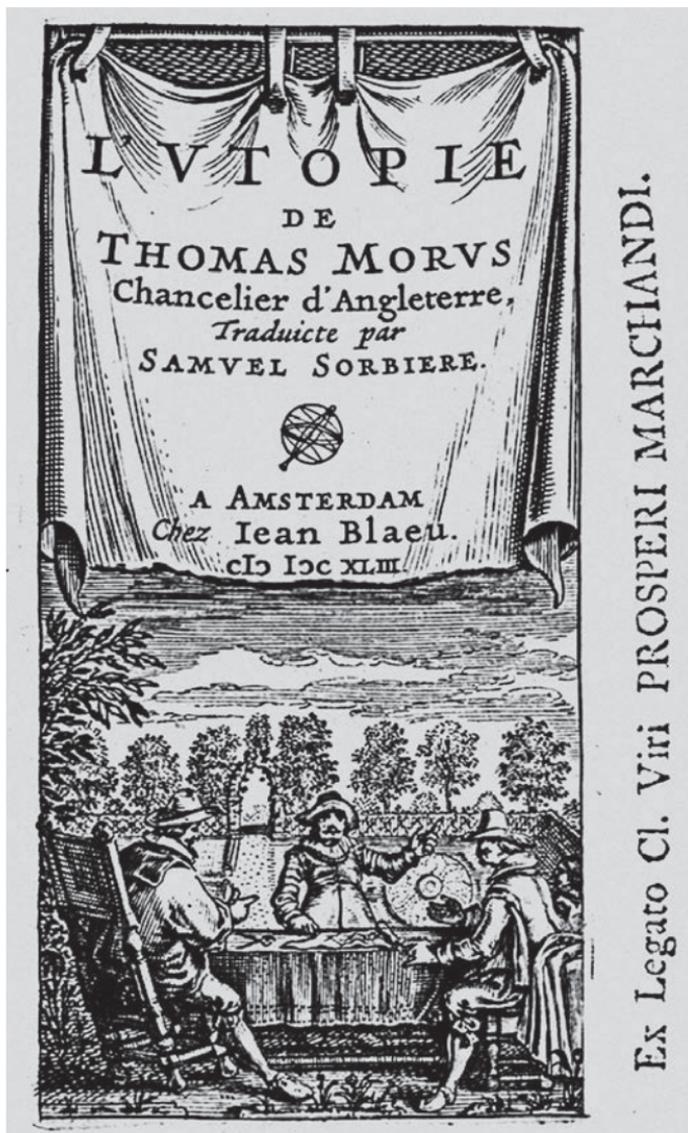
По-видимому, утопийцы отнюдь не чужды евангельскому учению.

Таким образом, первые читатели «Утопии» (за исключением тех, кому в руки попало парижское издание 1517 года) имели возможность рассматривать карту острова, извлекая пользу и получая удовольствие от порождаемой ею смысловой игры. Но уже их ближайшие современники в основном имели дело с текстом, лишенным визуальных изображений острова. Между 1519 и 1631 годом вышло шестнадцать изданий оригинального (то есть латиноязычного) текста, и карта присутствовала лишь в одном из них. Оно было выпущено в Базеле Николаусом Епископиусом, внуком Иоганна Фробена¹²⁷, в 1563 году. Что касается переводов книги Мора на европейские языки, то в XVI веке они печатались без карты. Единственное исключение — немецкие переводы: в издании 1524 года, появившемся благодаря Клоду Шансонетту, воспроизведена карта 1518 года. Выпустивший его базельский издатель Иоганн Бебель, скорей всего, напрямую позаимствовал или приобрел медный гравировальный лист у Иоганна Фробена. В лейпцигском издании 1612 года перевода Грегора Винтермоната карта тоже есть, но довольно схематичная: остров на ней изображен без величественной столицы и опоясывающей ее реки¹²⁸. Впрочем, как было сказано, в изданиях на других европейских языках она просто исчезает.

Ее нет ни в двух итальянских изданиях перевода Ортенцио Ландо (1548 и 1561 годов), ни в изданиях пяти французских переводов (1550, 1559, 1585, 1611, 1643 годов), ни в английских изданиях перевода Ральфа Робинсона (1551, 1556, 1597, 1624, 1639 годов) или Гилберта Барнета (1684 и 1685 годов), ни в переводах на голландский (издания 1553, 1562, 1629, 1634 годов), ни в вышедшем в 1637 году сильно отцензурированном (и сильно окатоличенном) испанском переводе¹²⁹.

Отсутствующая карта оставила парадоксальный след на фронтиспise издания французского перевода Самюэля Сорбьера, которое вышло в Амстердаме в 1643 году. Помещенная на нем гравюра представляет сцену из первой части книги: Мор и двое его гостей, Гиллис и Гитлодей, беседуют в саду его антверпенского дома. На столе перед путешественником, рассказывающем об открытии Утопии, лежит карта (ил. 21). Но то, что на ней начертано, видно только собеседникам, и расположение острова остается такой же тайной для читателя, как и для Гиллиса, не расслышавшего его из-за несвоевременного кашля¹³⁰. Эта деталь тем более примечательна, что издание было выпущено Иоганном Блау, знаменитым печатником, специализировавшимся на выпуске атласов и карт.

Итак, в XVI — начале XVII столетия читатели Мора должны были сами воображать карту острова (если только у них не было латинского издания 1516 или 1518 года, или немецкого издания 1524 года) и, как того требует экфрасис, превращать слова в ментальные образы. С высокой долей вероятности именно так поступали Джозеф Холл, Даниэль Дефо и Джонатан Свифт, а потому не следует преувеличивать значение

Ил. 21: Фронтиспис французского перевода «Утопии», опубликованного в 1643 году